

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на 56-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности «Глобальный беспорядок: есть ли шансы для новой повестки дня?», Мюнхен, 15 февраля 2020 года

Уважаемые дамы и господа,

В этом году мы отмечаем 75-ю годовщину Победы во Второй мировой войне. Прискорбно, что юбилей сопровождается попытками грубо исказить историю, поставить на одну доску нацистских палачей и освободителей Европы. Оставим эти попытки на совести их авторов. Никто и ничто не может умалить решающую роль Красной армии, всех народов Советского Союза в разгроме фашизма. При этом мы всегда будем помнить о духе союзничества в годы Войны, о способности государств объединиться для борьбы с общей угрозой, невзирая на идеологические разногласия.

Единства такого масштаба нам не хватает сегодня, когда угрозы и риски для человечества высоки как никогда за весь послевоенный период. На наших глазах разрушается система договоренностей в сфере стратегической стабильности и нераспространения, понижается порог применения ядерного оружия, множатся региональные кризисы, попираются нормы международного права, в том числе путем силового вмешательства в дела суверенных государств, незаконных санкций и жестких протекционистских мер, подрывающих мировые рынки и глобальную торговую систему. Происходит, если можно так выразиться, варваризация международных отношений, ухудшающая саму среду обитания человека.

Нужен прямой и честный обмен мнениями о том, как сберечь мир для будущих поколений. Президент России В.В.Путин предлагает начать такой разговор в формате встречи глав государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Сразу подчеркну: речь не идет о создании еще одного закрытого клуба, где кулуарно будут решаться судьбы человечества. Наша идея в том, чтобы «пятерка» государств, которые по Уставу ООН несут особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности, проявила политическую волю и подготовила рекомендации в интересах оздоровления всей атмосферы международного общения, восстановления доверия между всеми странами.

Кризис доверия особенно остро ощущается в европейских делах. Нагнетание напряженности, продвижение военной инфраструктуры НАТО на восток, беспрецедентные по размаху учения у российских рубежей, накачка оборонных бюджетов сверх всякой меры – все это генерирует непредсказуемость. В

«железе» воссоздается структура противостояния «холодной войны». Пора, пока не поздно, отказаться от культивирования фантома «российской угрозы», да и любой другой угрозы, вспомнить о том, что нас объединяет.

Отправной точкой такого диалога должен оставаться принцип равной и неделимой безопасности, провозглашенный, напомню, на высшем уровне в таких важнейших документах, как Хельсинкский Заключительный акт 1975 г., Парижская хартия для новой Европы 1990 г. и декларация Астанинского саммита ОБСЕ 2010 года.

В современных условиях стабильность Евроатлантики не обеспечить без подлинно глобального сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, нелегальной миграцией, торговлей людьми и другими трансграничными вызовами. Многие из них обрели угрожающие масштабы в результате кровавых конфликтов на Ближнем Востоке и Севере Африки. Международное сообщество обязано создать благоприятные условия для того, чтобы сами народы стран региона решали проблемы через инклюзивный национальный диалог без вмешательства извне. Считаю недопустимым превращать территорию этих стран в арену геополитического противостояния и сведения счетов, равно как и использовать террористов для достижения корыстных, геополитических целей.

Руководствуясь принципами международного права, Россия будет и далее содействовать урегулированию в Сирии в рамках Астанинского формата и механизмов ООН, помогать сближению подходов ливийских сторон в качестве единственного пути восстановления разрушенной НАТО государственности этой страны. На устойчивую нормализацию региональной обстановки нацелена российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива. И, конечно, будем продвигать сбалансированный подход к поиску справедливого решения палестино-израильского конфликта с учетом имеющихся международно-правовых договоренностей. Будем отстаивать неприемлемость подмены юридически обязывающих решений по иранской ядерной программе нелегитимными односторонними акциями.

Нельзя допустить негативного влияния новых прорывных технологий на глобальную стабильность. На это направлены инициативы по предотвращению гонки вооружений в космосе, недопущению милитаризации киберпространства. Мы готовы к совместной работе и по другим острым проблемам мировой повестки, среди которых эпидемиологические угрозы. В этой связи отмечу открытость и ответственный подход Китая к международному сотрудничеству в борьбе с распространением коронавируса.

Еще раз подчеркну – масштаб глобальных вызовов настолько велик, что справиться с ними государства могут, только объединив свои усилия и неукоснительно соблюдая принципы подлинной многосторонности. Мешают такой работе попытки под флагом многосторонности навязывать собственные правила, «приватизировать» секретариаты международных организаций. Вопиющий пример – ситуация в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО).

Важно остановить эти опасные тенденции и недвусмысленно переподтвердить принципы Устава ООН, включая суверенное равенство государств и невмешательство во внутренние дела. Необходимо, чтобы все принципы Устава одинаково уважались и странами-членами, и руководством ООН и других

международных организаций.

Наряду с ООН, в глобальном управлении востребованы гибкие многосторонние механизмы, которые продвигают позитивную повестку дня, стараются формировать баланс интересов. Это и «Группа двадцати», и БРИКС, состав участников которых отражает культурно-цивилизационное многообразие современного мира.

Свой вклад в выработку конструктивных подходов к проблемам Евразии вносят ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ. Президент России В.В.Путин выдвинул инициативу формирования Большого Евразийского партнерства, открытого для всех объединений и государств нашего огромного общего континента, включая членов Европейского союза.

Уважаемые коллеги,

Россия всегда была и остается противником силовых мер и сторонником политико-дипломатических способов преодоления разногласий, возникновение которых, давайте признаемся, по большому счету, неизбежно в силу самой человеческой природы. Но мир никогда не дается даром. Для этого нужны постоянные, подчас тяжелейшие усилия.

Выдающийся ученый – физик-ядерщик, лауреат Нобелевской премии мира А.Д.Сахаров как-то сказал: «Ядерная война может возникнуть из обычной, а обычная война, как известно, возникает из политики». Трудно с этим не согласиться. На дипломатах, политиках, всей международной общественности, включая всех присутствующих здесь, лежит обязанность сохранять мир. Уверен, что при ответственном подходе нам это будет по плечу.

Вопрос (перевод с английского): Мы все обеспокоены ситуацией в Идлибе, но я хотела бы спросить не об этом, а об отношениях между Россией и Турцией в целом, – для меня это в некотором смысле загадка. Какое бы Вы дали определение этим отношениям – вы союзники или противники?

С.В.Лавров: Это загадка из серии «завернута в тайну и помещена в головоломку»?

У нас с Турцией очень хорошие отношения. Это не означает, что мы должны во всем соглашаться. Я вообще считаю, что полного согласия не может быть ни по одной проблеме в отношениях между любыми двумя странами. Если такое присутствует, то это уже напоминает давление, откуда проистекает такое согласие.

Сирийский конфликт разразился на этапе т.н. арабской весны, когда была разрушена Ливия, еле удержался от разрушения Тунис и ряд других стран региона. Когда экстремисты, террористические элементы практически осадили Дамаск летом 2015 г., никто не помышлял ни о каких гуманитарных нормах, политическом процессе – все ждали военного решения, итогом которого было бы свержение Правительства Б.Асада. Россия откликнулась на призыв о помощи этого законного Правительства. Сейчас мы сумели помочь сирийскому Правительству и вооруженным силам переломить ситуацию, прежде всего в борьбе с терроризмом.

На каком-то этапе мы все полагались на активность ООН. Был создан

Женевский процесс, я принимал непосредственное участие в этих усилиях вместе с бывшим Госсекретарем США Дж.Керри. Переговоры продвигались ни шатко ни валко, какого-то позитивного итога достичь не удавалось. Впоследствии наши ооновские коллеги решили откладывать женевские встречи в ожидании лучших времен. Тогда, понимая, что тупик становится уже хроническим, Россия вместе с Турцией и Ираном выдвинула инициативу начать под эгидой трех стран политический процесс. Причем мы выступили за то, чтобы со стороны оппозиции участвовали не иммигранты, живущие в других столицах, а те, кто реально влияет на людей, воюющих «на земле» с сирийской армией. Это удалось сделать – начал работать Астанинский процесс. Мы искренне признательны Казахстану за предоставление гостеприимной площадки своей столицы. Не хочу быть слишком самонадеянным, но, за неимением других примеров, он до сих пор является наиболее эффективным инструментом по оказанию содействия ООН в продвижении к целям резолюции 2254 Совета Безопасности ООН.

Это было очень непросто, т.к. у России, Ирана и Турции далеко не совпадающие цели в отношении Сирии и всего региона. Не буду вдаваться в детали – мы все понимаем, о чем идет речь. Нас объединило желание не допустить разрушения САР - колыбели многих великих религий и цивилизаций, где многие века и тысячелетия сосуществовали и мусульмане, и христиане, и представители других конфессий, обеспечить, чтобы в этой стране воцарился мир, и был начат политический диалог. Это удалось сделать, мы помогли ООН инициировать процесс, который сейчас осуществляется в рамках Конституционного комитета. Он был сформирован и мог начать работать еще в конце 2018 г. Но мы все знаем историю этого вопроса: наши западные коллеги, по сути дела, ультимативно потребовали от ООН не поддерживать предложения, сформированные Правительством Сирии и оппозицией. Целый год ушел на совершенно бессмысленные «бодания» по поводу двух или трех фамилий, которые, почему-то, не понравились нашим западным коллегам.

Мы потеряли год. Сейчас могла бы быть уже другая ситуация. Тем не менее мы ни на кого не обижаемся, стараемся руководствоваться реальностью. А она такова, что, наконец, мы убедили всех сомневавшихся в необходимости дать «зеленый свет» этому комитету. Он провел две сессии, сейчас готовится третья. Сегодня встречался со Спецпосланником Генсекретаря ООН по Сирии Г.Педерсенем. Мы не драматизируем ситуацию с тем, что пока он не очень быстро набирает темп. Но, конечно, и не хотим создавать впечатление, что он будет работать вечно. Главное, чтобы сирийцы договаривались сами.

И в этом смысле наши отношения с Турцией имеют очень важное значение, учитывая возможности, которые есть у России, кстати, как и у Ирана, в контактах с сирийским руководством, и те возможности, которые есть у Турции для влияния на оппозицию и тех, кто представляет вооруженные отряды «на земле». Отмечу, что мы заинтересованы в том, чтобы влияние на оппозицию в позитивном направлении оказывали и другие страны, имеющие с ней контакты - прежде всего, монархии Персидского залива. Наша цель - объединять усилия и помогать создавать условия, когда самим сирийцам будет комфортно работать.

Отмечу еще один момент, напрямую касающийся упомянутого Вами в начале Идлиба, - неизбежность победы над терроризмом. Уже несколько раз наши американские коллеги объявляли, что они победили ИГИЛ и в принципе уничтожили в Сирии терроризм, как и в Ираке. Потом эта «гидра» поднимает

голову. Но обращаю внимание, что кроме ИГИЛ есть еще «Джабхат ан-Нусра», которая сейчас называется «Хейат Тахрир аш-Шам» и, как и ИГИЛ, причислена Советом Безопасности ООН к террористическим организациям. Сейчас она контролирует большую часть идлибской зоны безопасности, представляющей проблему. Это один из последних очагов терроризма, по крайней мере, единственный на западном берегу Евфрата.

Я сегодня встречался с моим коллегой и другом Министром иностранных дел Турции М.Чавушоглу. Достигнутые с Турцией договоренности предполагают обеспечение прекращения огня, создание демилитаризованной зоны, но самое главное - отмежевание нормальной оппозиции от террористов. Эти договоренности никоим образом не предполагают отказ от бескомпромиссной борьбы с террористическими группировками. Сложная задача. Террористы пытаются использовать гражданское население в качестве живого щита. Мы это все видели здесь, в печально известном лагере беженцев «Рукбан», в лагере «Аль-Хоуль», находящемся под контролем сотрудничающих с американцами, прежде всего, курдских отрядов, и в других регионах мира. Задача сложная, но контакты между Россией и Турцией на уровне экспертов, дипломатов, военных, служб безопасности продолжаются с целью найти пути выполнения договоренностей по Идлибу, которые я упомянул. Очередные контакты состоятся на следующей неделе.

Вопрос (перевод с немецкого): Я нахожу Ваши высказывания по Сирии не до конца убедительными. Как хочет российское Правительство гарантировать суверенитет Сирии в то время, как Турция установила военное присутствие в Идлибе, Африне и других районах на севере страны? Очевидно надолго. Ваши высказывания меня не убедили.

С.В.Лавров: Вопрос простой. Мы делаем то, что делаем в Сирии не для того, чтобы Вас убеждать. Вы журналист, как я понимаю. Вы имеете полное право составлять картину происходящего, как Вы ее понимаете. Мы делаем «на земле» то, чего требует резолюция 2254 СБ ООН. Помимо прочего она гарантирует суверенитет и территориальную целостность САР. Это не Россия собирается гарантировать суверенитет Сирии. Он гарантирован СБ ООН.

Помимо идлибской проблемы самая главная сложность заключается в том, что происходит на восточном берегу Евфрата, где этот самый суверенитет попирается грубейшим образом, где создаются параллельные органы власти с очевидным прицелом на сепаратизм. Об этом мы регулярно говорим с нашими американскими коллегами, которые на восточном берегу активно сохраняют свое присутствие.

Я уже упомянул проблемы «Рукбана», «Аль-Хоуль», там есть и проблемы зоны Ат-Танфа. Это все касается угрозы суверенитету САР. Мы действуем строго в соответствии с решениями СБ ООН. Первое – борьба с терроризмом, решение гуманитарных проблем населения, помощь возвращению беженцев. Кстати, Европейский союз категорически не хочет участвовать в усилиях по созданию условий для того, чтобы люди возвращались в свои дома, ожидая какого-то реального прогресса в политическом процессе. До этого условием было начало работы Конституционного комитета. Он начал работать, но никакой помощи со стороны Европейского союза для того, чтобы беженцы возвращались, мы не видим.

Еще одно направление, которое предусмотрено решениями СБ ООН, – это

конституционная реформа и политический процесс. Для этого мы создали Конституционный комитет. Вместе с Турцией и Ираном помогли сирийцам договориться об этом очень важном механизме. Это то, что мы делаем. А насколько это выглядит убедительно, судить вам. Мы привыкли к критике. Она способствует поиску креативных решений. Будем ожидать ваших оценок и конструктивных советов.

Вопрос (перевод с английского): Я вижу определенную последовательность в том, что Вы говорите о Сирии, когда Вы говорите о целостности и суверенитете. Но если посмотреть на ситуацию в Ливии, Вы не поддерживаете признанное правительство, но поддерживаете маршала Х.Хафтара, что является прямым путем к разделу страны. Мой вопрос: какие цели Вы действительно преследуете в Ливии, раз Вы поддерживаете ту сторону, которая ведет страну к распаду?

С.В.Лавров: Я вынужден не согласиться, потому что маршал Х.Хафтар и возглавляемая им Ливийская национальная армия признаны СБ ООН стороной в конфликте. На недавней Берлинской конференции по Ливии это также было подтверждено. Затем Совет безопасности ООН, приветствовав итоги Берлинской конференции по Ливии, призвал Премьер-Министра Правительства национального согласия Ф.Сарраджа и главнокомандующего Ливийской Национальной Армией маршала Х.Хафтара приступить к решению вопросов соблюдения режима прекращения огня, к договоренностям об экономической жизни этой страны и к политическому процессу (подготовка выборов, конституции и так далее). Поэтому Х.Хафтар – это не символ сепаратизма, а признанный мировым сообществом, включая участников Берлинской конференции по Ливии, СБ ООН, сторона в конфликте, который был начат с разрушения государства под названием Ливия в результате абсолютно незаконной акции, как вы помните, предпринятой Североатлантическим альянсом в 2011 году.

Отвечая на вопрос, что мы делаем в Ливии, мы стараемся помочь ливийцам вместе с другими внешними игроками восстановить то, что было разрушено в грубейшее нарушение принципов Устава ООН. Это, если коротко.